

Статистика сельскохозяйственного производства

Обзор источников и их характеристика

Главное внимание в статистике сельскохозяйственного производства со времени ее возникновения в последней трети XVIII в. уделялось так называемой урожайной статистике, т.е. данным о посевах и сборах хлебов, а затем и картофеля, ибо земледелие было ведущей отраслью сельского хозяйства. Единственным источником, содержащим данные о посевах и сборах хлебов (имеются в виду зерновые культуры и картофель), до 80-х годов XIX в. по всем категориям земледельцев являются губернаторские отчеты¹. Особенность отчетов состояла в том, что посевы и сборы хлебов учитывались в натуральном выражении, т.е. в объеме высеваемого и собираемого зерна. Местные административные и полицейские чиновники выясняли общие размеры посевов озимых и яровых культур в четвертях. Затем на основе пробных умолов определялась высота урожайности «в самах». На этой основе устанавливались объемы валового сбора хлебов. Такой принцип не требовал учета посевных площадей, но и не позволял определить производительность земледелия применительно к единице площади. Этот недостаток не ощущался в условиях феодально-крепостнического способа производства. В период же капитализма все яснее обнаруживалась необходимость перехода к таким принципам и методам урожайной статистики, которые позволяли бы устанавливать производительность земледельческого производства. Для этого надо было знать размеры посевных площадей, занятых различными культурами.

Впервые в России учет посевных площадей под отдельными культурами был проведен в 1881 г. Стала вычисляться и высота урожайности на единицу площади, что было несомненным прогрессом в статистике сельскохозяйственного производства и знаменовало наступление нового этапа в ее истории. Естественно, это привело к возникновению новых источников сведений о посевах, урожайности и сбора зерновых и других культур. Именно эти новые, характерные для эпохи капитализма источники урожайности статистики и являются предметом рассмотрения в настоящей главе.

Вслед за главенствующей отраслью сельского хозяйства, земледелием, шло животноводство. Регулярно данные о нем начали собираться с 40-х годов XIX в. и также содержатся в губернаторских отчетах. Неудовлетворительность этих сведений побудила к сбору более точных данных о количестве разных видов скота. Соответствующие источники, включавшие эти данные, также будут охарактеризованы в данной главе.

Что касается других отраслей сельского хозяйства (огородничество, садоводство, виноградарство и т.д.), то в силу значительно меньшего их развития систематических сведений об их состоянии не собиралось.

¹ Достоверность сведений губернаторских отчетов о посевах и сборах хлебов и имевшие место споры по этому поводу самым обстоятельным образом проанализированы А.С. Нифонтовым (Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974).

Статистические данные о ведущих отраслях сельскохозяйственного производства в эпоху капитализма, во-первых, поступали через систему определенных органов и на основе соответствующих принципов и методов, и, во-вторых, они сохранились в других источниках о деревенской экономике и аграрных отношениях.

К последним прежде всего относятся материалы земской статистики и сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 гг. Правда, последние включают по земледелию лишь данные о посевных площадях под разными культурами. В центре следующего ниже анализа находятся статистические источники первого типа, т.к. в них отложились наиболее систематические и полные во временном и территориальном аспектах данные о сельскохозяйственном производстве. Сведения же других источников будут привлекаться главным образом для сравнительной характеристики и оценки наиболее массовых данных сельскохозяйственной статистики.

Важным является вопрос о том, какой круг показателей, характеризующих сельскохозяйственное производство, должен быть включен в анализ. Здесь может иметь место и сравнительно узкий и более широкий подход. При первом из них, а он является традиционным при обращении к статистике сельскохозяйственного производства, рассматриваются показатели, характеризующие лишь объем, структуру и уровень отраслей сельского хозяйства. Применительно, например, к земледелию это ограничивает источниковую основу данными о посевах, урожайности и сборах различных культур. Но подобный производственно-экономический подход может быть дополнен и социально-экономическим. Тогда наряду с указанными потребуются сведения о товарности сельскохозяйственного производства, рабочей силе и т.д.

Настоящая глава прежде всего посвящена рассмотрению источников, характеризующих производственно-экономическое состояние основных отраслей сельского хозяйства — земледелия и скотоводства. Вместе с тем кратко рассматриваются и наиболее общие массовые статистические данные, раскрывающие социально-экономические аспекты сельскохозяйственного производства в России эпохи капитализма.

Из трех компонентов, характеризующих состояние земледельческого производства, — площади посевов, высота урожайности на единицу площади и валовые сборы культур — два первых подлежали учету, а последний исчислялся на их основе (путем их перемножения).

Сбором данных о площадях посевов и урожайности и их обработкой занимался Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел (далее — ЦСК). Наиболее сложным при организации новой системы урожайной статистики был сбор сведений о посевных площадях. Наладить его удалось далеко не сразу. В 1881 г. для получения сведений о площадях посевов различных культур во все сельские общества и всем владельцам и арендаторам имений были разосланы опросные листы. Ответы на них поступили в ЦСК в 1882 г., а разработка данных была завершена в 1883 г.¹ Проверка поступивших данных проводилась путем сравнения размеров пашни со сведениями земельной переписи 1877 г. Данными о посевах 1881 г. ЦСК пользовался 7 лет — с 1883 по 1889 г.

В 1887 г. был проведен сбор новых сведений о площадях посевов. Они были использованы при исчислении сбора хлебов в 1890 и 1891 гг.

¹ Юбилейный сборник ЦСК. 1863-1913 гг. СПб., 1913. Отд. III. С. 12 и след. Губернские и уездные итоги разработки опубликованы в кн.: Статистический временник Российской империи. СПб., 1884. Вып. 4. С. 3.

С 1893 г. данные о численности сельского населения и размерах посевов стали собираться ежегодно и публиковаться в изданиях по урожайной статистике наряду со сведениями об урожайности и общих сборах различных культур¹.

До 1903 г. включительно при сборе сведений о площадях посева под различными культурами ЦСК выделял две основные категории посевов — на землях наделных и владельческих. К последним относились все земли, кроме наделных, в том числе и те из них, которые были куплены у частных владельцев целыми сельскими обществами, а также находились в аренде у крестьян. Иначе говоря, земля как объект владения фактически отождествлялась с землей как объектом хозяйства.

С 1904 г. ЦСК ввел более дифференцированную систему учета посевных площадей². Размеры посевов по культурам стали выявляться отдельно по землям наделным, прикупленным целыми сельскими обществами, арендованным крестьянами у частных владельцев и частновладельческим. В ведомостях, предназначенных для получения сведений от крестьян, указывалось: «Все сведения о посевах и сенокосах должны быть даны по каждому сельскому обществу и при том отдельно: 1) на землях наделных, 2) на землях, прикупленных целыми сельскими обществами, и 3) на землях, арендуемых как отдельными крестьянами, так и товариществами и целыми сельскими обществами у беднейших частных владельцев». В ведомостях для частновладельческих хозяйств говорилось: «В состав земель частных владельцев должны быть включены владельческие земли всех наименований, как то: частные владения всех сословий, не исключая и крестьян, компаний, товариществ, казны, уделов, городов, церквей, монастырей и других учреждений, одним словом, следует включить все земли, кроме крестьянской общественной»³.

Усложнение системы учета потребовало разработки соответствующих правил сборов данных. Они предусматривали следующий порядок. Волостные старшины вручали сельским старостам ведомости и давали соответствующие разъяснения. После окончания яровых посевов старосты выявляли необходимые сведения на сельском сходе или путем опроса дворохозяев и подводили итоги. Перед отсылкой ведомости в волость рекомендовалось прочесть ее на сходе. Волостные старшины сводили данные сельских обществ и направляли их непосредственно в ЦСК⁴.

Несомненным достоинством новой системы было разграничение понятия о земле как объекте владения и как объекте хозяйства. Однако это не нашло отражение в сводных данных ЦСК о посевных площадях. Во всех публикациях сохранилось старое деление посевных площадей на наделные и частновладельческие. Тем самым эти данные искажают картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве России эпохи капитализма⁵.

Параллельно с учетом посевных площадей под различными культурами происходил сбор данных об их высеве и урожайности на единицу площади. В отличие от посевных площадей, которые выявлялись методом сплошной переписи, сведения о высеве и урожайности культур с единицы площади поступали через

¹ Свод данных о посевных площадях по 50 губерниям Европейской России за 9 лет (1881, 1887, 1893—1899 гг.) опубликован во «Временнике ЦСК», 1901. № 48. С 1901 г. ежегодно стали издаваться «Предварительные сведения о площадях посева зерновых хлебов и других важнейших полевых растений» (СПб., соответствующий год).

² Юбилейный сборник ЦСК. Отд. III. С. 19.

³ ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 6. Д. 139. Л. 1, 19.

⁴ Юбилейный сборник ЦСК. Отд. III. С. 20-21.

⁵ Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971.

сеть корреспондентов. Для этого в каждую волость направлялось первоначально по 6, а затем по 12 бланков (половина для крестьян, половина для частных владельцев), которые после их заполнения корреспондентами высылались через местные органы в ЦСК. Число корреспондентов по Европейской России доходило до 100 тыс. человек.

Располагая данными о площадях посева различных культур и об их высевах и урожайности, ЦСК мог определить их общий высеv и сбор. С 1883 г. стали ежегодно публиковаться данные урожайной статистики¹.

В публикациях по отдельным культурам приводились в губернском и уездном разрезе для наделных и частновладельческих земель и в целом следующие данные: общий высеv и сбор в четвертях, средний на одну десятину высеv в мерах и урожайность в четвертях, все четверти в пудах (1895 г. все расчеты производились в пудах).

С 1893 г. был введен раздельный сбор данных об озимых хлебах (и сене) и яровых культурах, а также публикация их в двух отдельных выпусках. С этого же времени в публикациях «Урожай 18...-го года» стали, как отмечалось, приводиться сведения о размерах посевных площадей под культурами и числе сельских жителей.

Сведения урожайной статистики за 1883 г. охватывали 49 губерний Европейской России, а к 1907 г. были распространены на всю страну².

Серия «Урожай 18...-го года» включает наиболее полный набор сведений по урожайной статистике за 1883—1915 гг. Погодные губернские сводки этих данных за те или иные отрезки времени конца XIX — начала XX вв. содержатся в общих публикациях материалов по сельскому хозяйству³. Кроме того, были изданы погубернские и поуездные данные о посевах, урожаях и сборах хлебов в среднем за 1883-1887, 1883-1892, 1896-1900, 1909-1913 и другие годы⁴.

Одновременно с ЦСК с 1881 г. сведения об урожайной статистике стали собираться Департаментом земледелия и сельской промышленности (в 1894 г. преобразован в Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) Министерства земледелия и государственных имуществ. Однако они касались лишь урожайности различных культур с единицы площади на наделных и частновладельческих землях и не учитывали посевных площадей, а потому не позволяли определить размеры сборов хлебов. Данные об урожае также фиксировались добровольными корреспондентами, но в отличие от корреспондентов сети ЦСК число их было значительно меньшим, а распределение по территории неравномерным. Так, в 1881 г. сведения по 49 губерниям Европейской России поступили всего от 1242 корреспондентов. В дальнейшем число их возрастало и в 1913 г. превышало 7,5 тыс.⁵

См. серию публикаций «Урожай 18...-ого года», входившую в состав многотомной «Статистики Российской империи».

² С 1892 г. стали собираться сведения по Кутаисской, Ставропольской и Тверской, с 1893 г. — по Тобольской и Томской, с 1898 г. — по Черноморской, с 1904 г. — по 8 закавказским и 5 среднеазиатским, с 1907 г. — по остальным губерниям и областям России.

³ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. СПб., 1902. Вып. 1; Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг. М., 1923; Свод урожайных сведений за годы 1883—1915. М., 1928.

⁴ Статистика Российской империи. СПб., 1888. Т. IV (сведения за 1883—1887 гг.); Временник ЦСК. СПб., 1894. № 34 (за 1883-1892 гг.); 1902. № 51 (за 1896-1900 гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917 (за 1909—1913 гг.) и др.

⁵ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 1. С. 10, 13.

Возникающие пробелы и ограниченность данных Министерство земледелия восполняло сведениями ЦСК. Это отрицательно сказывалось на однотипности его данных об урожайности.

Собранные министерством сведения об урожайности отдельных культур публиковались наряду с другими сведениями о сельском хозяйстве в губернском и уездном разрезе в известном издании «18... год в сельскохозяйственном отношении по материалам, полученным от хозяев». Материалы охватывали период 1881—1915 гг. и содержат систематические сведения об урожайности по Европейской России. Данные по другим районам менее полны и стали собираться лишь в начале XX в.¹ Третий комплекс источников об урожаях составляет земская статистика. Сведения о них отложились как в основной (подворные переписи), так и текущей земской статистике. В земских обследованиях крестьянского и частновладельческого хозяйства приводятся прежде всего показатели о размерах посевов и реже урожайности и сборах хлебов. Совокупность этих данных является разрозненной во времени и пространстве. Но к ее достоинствам сравнительно с данными ЦСК и Министерства земледелия относится то, что сведения о земледелии даны наряду со многими другими показателями о крестьянском и частновладельческом хозяйстве и характеризуют положение в более мелких территориальных единицах (в отдельных селениях и имениях).

Текущая земская урожайная статистика содержит более систематический корпус данных, но также далеко уступает по полноте статистике ЦСК и Министерства земледелия (см. табл. 1).

Таблица 1

Текущие земские данные об урожаях у крестьян в 1885—1912 гг.*

№ п/п	Губерния	о число лет	№ п/п	Губерния	о число лет	№ п/п	Губерния	о число лет
1	Московская	28	8	Костромская	15	15	Псковская	8
2	Орловская	26	9	Вятская	14	16	Саратовская	8
3	Казанская	25	10	Самарская	14	17	Харьковская	8
4	Полтавская	25	11	Уфимская	14	18	Ярославская	8
5	Воронежская	24	12	Смоленская	12	19	Черниговская	7
6	Херсонская	22	13	Владимирская	10	20	Киевская	3
7	Нижегородская	19	14	Екатеринославская	9	21	Рязанская	3

Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики: опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных. Пг., 1915. С. 119.

Текущая земская статистика фиксировала сведения прежде всего об урожайности и в меньшей мере о посевных площадях. Сведения эти, как и другие данные текущей земской статистики, собирались через сеть корреспондентов, которые рассылались анкеты и публиковались в земских изданиях.

Наконец, сведения о посевных площадях под различными культурами у крестьян и частных владельцев были собраны при проведении сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Помимо широкого охвата территории страны, высокого

¹ Ежегодно издавалось (до 1893 г.) три, а в дальнейшем шесть выпусков материалов, выходящих в Петербурге в текущем и следующем году.

Д.Н. Иванцов проделал большую работу по сравнению урожайности ржи и некоторых других культур по данным ЦСК, Министерства земледелия и земств.

Кроме Иванцова, выяснением надежности данных ЦСК и других источников об урожайности занимались уже в 20-х годах XX в. и другие исследователи¹. Напомним основные итоги и методы проделанного анализа, тем более, что он имеет не просто историографическое, но и научно-практическое значение.

Для выявления сходства динамики (т.е. временных изменений урожайности по данным разных источников) применялся корреляционный анализ. Корреляция временных рядов урожайности разных источников показывает степень синхронности и пропорциональности колебаний урожаев. Высокая степень сопряженности этих колебаний будет свидетельствовать о единстве картины, рисуемой разными источниками, а следовательно, и о примерно одинаковой и высокой их достоверности, поскольку эти источники взаимозависимы. Общие итоги сопоставлений показали, что данные об урожайности ЦСК, Министерства земледелия и земств рисуют очень сходную картину динамики урожайности.

Так, корреляционная взаимосвязь динамики урожайности ржи по 50 губерниям Европейской России в 1885—1908 гг., по данным ЦСК и Министерства земледелия, равнялась у крестьян 0,92 и у частных владельцев также 0,92. По отдельным губерниям положение было таким. Коэффициенты корреляции превышали 0,90 у помещиков в 32 и у крестьян в 36 губерниях из 50, а были менее 0,75 соответственно в 4 и 1 губерниях². Анализ рядов динамики урожайности на уездном уровне в целом дал те же итоги, что и по губернским данным³.

Что касается сведений ЦСК и земств, то в среднем по 18 губерниям эти данные дают коэффициент корреляции, равный у крестьян 0,92, а у помещиков 0,89⁴. По отдельным губерниям взаимосвязь погодных средних урожаев по данным ЦСК и земств также была очень тесной (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь погодных средних урожаев по сведениям ЦСК и земств*

Губерния	Годы	Коэффициент корреляции	Губерния	Годы	Коэффициент корреляции
Воронежская	1886-1908	1,00	Полтавская	1886-1910	0,97
Вятская	1892-1905	0,97	Саратовская	1899-1906	0,93
Московская	1885-1908	0,92	Херсонская	1887-1907	0,98
Нижегородская	1892-1901	0,98	Ярославская	1903-1909	0,99
Орловская	1896-1903	0,98			

* Вайнштейн А.Л. Эволюция урожайности... С. 19.

¹ Виноградова Н. Русская урожайная статистика // Вестник статистики, 1925. Кн. XXIII—XXIV; Вайнштейн А.Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития // Плановое хозяйство, 1927. № 7—8 (эта работа была издана в Москве в 1927 г. и в виде отдельного оттиска).

² Иванцов Д.Н. Указ. соч. С. 63—65.

³ Там же. С. 77-84.

⁴ Там же. С. 67,

Тесная взаимосвязь динамики урожайности по данным разных источников имела место и в более короткие отрезки времени. Так, в 1901 — 1908 гг. корреляционная взаимосвязь колебаний урожаев ржи в целом по Европейской России составляла по данным ЦСК и Министерства земледелия у крестьян 0,94 и у помещиков 1,00, а по данным ЦСК и земств (по всем губерниям, имеющим параллельные сведения) — соответственно 0,92 и 0,85.

Таким образом, можно считать доказанным, что хронологию изменений урожайности данные разных источников урожайной статистики отражают одинаково, что свидетельствует о достаточно высокой ее надежности в рассмотренном аспекте.

Корреляционный анализ показателей об урожайности разных источников позволил решить и вопрос об их сходстве в плане отражения ими географических колебаний урожайности. Так, корреляционная взаимосвязь многолетних средних урожаев ржи по губерниям по сведениям ЦСК и Министерства земледелия равнялась и у крестьян и у помещиков 1,00, а по данным Министерства земледелия и земств составляла у крестьян 0,87 и у помещиков 0,99. Такая же картина была и на уездном уровне. Корреляция между данными ЦСК и Министерства земледелия равнялась у крестьян 0,95 и у помещиков 0,88, а между сведениями ЦСК и земств соответственно 0,92 и 0,85'.

Следовательно, и географическая вариация урожайности рисуется разными источниками также очень сходно. Правда, для всестороннего обоснования этого вывода следует подвергнуть корреляционному анализу территориальные ряды данных об урожайности разных источников за отдельные годы, а не только многолетние средние показатели.

Важные наблюдения были сделаны при выявлении сопряженности по разным источникам динамики урожайности у крестьян и помещиков. Корреляция показала, что коэффициенты корреляции были менее 0,50 между данными ЦСК и Министерства земледелия (за 24 года) в 30 губерниях из 50, а по показателям ЦСК и земств — в 9 губерниях из 16.

Корреляция в пространственном аспекте также оказалась низкой (корреляционная зависимость по 50 губерниям по данным ЦСК и Министерства земледелия равнялась 0,44, а по сведениям ЦСК и земств по 16 губерниям — 0,59)².

Здесь, несомненно, сказалась отмеченная выше архаичность в принципах разделения крестьянских и помещичьих посевов, когда в разряд последних включались посевы крестьян на арендованных и купчих землях. При учете же урожайности, особенно земствами, могли иметь место отступления от этого принципа, которые и вносили определенный сбой в показатели разных источников о соотношении урожайности у крестьян и помещиков.

Поэтому отождествление земли как объекта владения и как объекта хозяйства, положенное в основу урожайной статистики ЦСК, не позволяет не только определить удельный вес в земледельческом производстве крестьянского и помещичьего хозяйства, но и выявить динамику и географию соотношения уровня земледелия в этих типах хозяйств.

В целом же имеющиеся данные разных источников о подесятинных урожаях отдельных культур вполне пригодны для анализа географии и динамики урожаев в конце XIX — начале XX в., т.е. позволяют раскрыть важнейшие аспекты развития земледелия. При этом целесообразнее всего опираться на сведения ЦСК как наиболее полный, однородный и доступный исследователям комплекс данных.

¹ Иванцов Д.Н. Указ. Соч. С. 32, 44-45.

² Там же. С. 100-102.

сопоставлений данных ЦСК и земств об урожайности на крестьянских и помещичьих землях только в 297, т.е. половине, отклонения не превышали 10%¹. При этом наблюдалась неустойчивость близости сведений источников по отдельным годам, что не позволяет вывести какую-либо поправку. В итоге Д.Н. Иванцов пришел, видимо, к справедливому выводу, что ежегодные данные об урожайности непригодны для практической утилизации², т.е., добавим от себя, на их основе нельзя судить об уровне развития производительных сил в земледелии.

Наконец, Д.Н. Иванцов пытался проверить близость сведений ЦСК и земств по размерам посевных площадей (Министерство земледелия таких сведений не собирало). В трех губерниях из пяти эти данные различались более чем на 10%. По уездным показателям положение было еще хуже. Не обнаружилось сопряженности и в динамике посевных площадей. Вывод был тот, что полагаться на данные ЦСК и земств о посевных площадях нельзя³.

Однако современниками высказывалось и иное мнение о точности сведений ЦСК о посевных площадях. Так, сотрудники статистического отдела Особого совещания по продовольствию провели сопоставление данных о размерах посевных площадей, собранных в 1916 г. ЦСК и зафиксированных сельскохозяйственной переписью 1916 г. Оно показало, что из 15 выделенных регионов Европейской России данные ЦСК о посевах ржи, пшеницы, ячменя и овса отклонялись от показателей переписи более чем на 10% лишь в пяти районах (в Северном они были меньше на 16,2%, Северо-Земледельческом — больше на 14,2%, Центрально-Промышленном — больше на 22,2%, Нижне-Волжском — меньше на 27,9% и Ставрополье — меньше на 11,9%). В целом по 46 губерниям сведения ЦСК превышали данные переписи на 8,8%. В итоге был сделан вывод, что по большим регионам показатели ЦСК о посевных площадях являются вполне достоверными⁴.

Таковы основные итоги анализа достоверности урожайной статистики эпохи капитализма, проделанного на основе обычных и статистико-математических методов. Столь подробное изложение этих итогов обусловлено как их научно-практическими выводами, так и источниковедческо-методическим подходом к решению проблемы. И то и другое не утратило своего значения для современных исследований, поскольку вопрос о достоверности данных урожайной статистики эпохи капитализма еще нуждается в дальнейшем изучении.

Следующее за земледелием место в сельскохозяйственном производстве занимало животноводство. В XIX в. сведения о поголовье скота собирали через местную полицию наряду с другими данными для ежегодных губернаторских отчетов, в которые они включались в виде поуездных сводок. За некоторые годы пореформенной эпохи такие сведения были изданы ЦСК⁵. С 1863 г. сбор данных о численности скота стало осуществлять Ветеринарное управление МВД. С 1908 г. эти данные публиковались в сборнике Состояние скотоводства в России. В них приведены данные о количестве скота с 1864 г. Сведения эти поступали тем же путем, что и для губернаторских отчетов. Современниками было общепризнано, что данные обоих источников очень неточны и значительно преуменьшают поголовье скота, особенно мелкого.

Все возрастающая потребность в более точных сведениях о количестве скота в стране побудила ЦСК организовать новую систему учета, с 80-х годов XIX в. в

¹ Иванцов Д.Н. Указ. соч. С. 27, 107, 114-115.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 27.

⁴ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг. Пг., 1917. Вып. 1. С. X-XI.

⁵ Статистический временник Российской империи. СПб., 1880. Сер. 1. Вып. 1 (за 1866 г.); 1881. Сер. II. Вып. 10 (за 1870 г.).

России начали проводиться военно-конские переписи, имевшие своей целью полный учет поголовья лошадей, а с XX в. была введена новая система выявления численности продуктивного скота¹.

Первая военно-конская перепись по всей Европейской России была проведена в 1882 г. и охватила 58 губерний². С 1888 г. подобные переписи становятся более или менее регулярными. ЦСК были опубликованы данные переписи за 1888, 1891, 1893–1894, 1896, 1899–1900, 1903–1904, 1905–1906, 1908, 1910 и 1912 гг. в многотомном издании «Статистика Российской империи». Эти публикации в губернском и уездном разрезе дают сведения о количестве лошадей по возрастным группам у разных категорий владельцев (у крестьян в сельских обществах, частных землевладельцев в уездах и городских жителей), а также о распределении владельцев по обеспеченности лошадьми (безлошадные, с одной, двумя, тремя и т.д. лошадьми).

Данные военно-конских переписей обладали весьма высокой достоверностью, что обеспечивалось системой их сбора. Первоначально происходил обход всех владений и дворов и заполнялись бланки. Затем проводился сбор лошадей для осмотра и определения их пригодности для воинских целей. Основным недостатком переписей была длительность их проведения. Учет лошадей на основной территории страны происходил в течение 2–3 и даже более лет. Только в 1912 г. перепись была проведена в течение одного года³. Поэтому сведения о количестве лошадей на всей территории можно получить, объединяя данные нескольких лет (например, 1888 и 1891 гг., 1896 и 1899–1900 гг., 1900–1906 гг.⁴).

В 1900 г. ЦСК через волостные правления и уездную полицию, которыми были разосланы соответствующие ведомости, собрал и опубликовал сведения о количестве рабочего и продуктивного скота в Европейской России, на Северном Кавказе, в Степном крае и Сибири⁵. В дальнейшем эти сведения стали собираться (тем же способом) регулярно и публиковаться в изданиях по урожайной статистике⁶, а с 1904 г. в «Ежегоднике России» (с 1911 г. в «Статистическом ежегоднике России»). В «Статистическом ежегоднике России» за 1911 г. (СПб., 1912) дана сводка этих данных за 1901–1911 гг.⁷

Наиболее точные в масштабах страны сведения о всех видах скота были получены при проведении сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. Переписи 1916 г. содержит более полные с точки зрения охвата территории страны данные, вошедшие в указанные выше публикации материалов переписей.

Наконец, обширные сведения о количестве скота были накоплены земствами. Во-первых, эти сведения собирали при проведении переписей крестьянского и частновладельческого хозяйства и включали в публикации материалов этих переписей. Во-вторых, количество скота учитывалось текущей земской статистикой. Подворные земские описания наряду с сельскохозяйственными переписями давали наиболее точные сведения о всех видах скота. Недочетом их, как известно, является разновременность проведения в разных губерниях (а нередко в уездах одной и той же губернии), неполный охват территории страны, учет скота прежде всего у крестьян, притом часто лишь у наличных.

¹ Юбилейный сборник ЦСК. Отд. III. С. 81 и след.

² Конская перепись 1882 г. СПб, 1884.

³ См.: Военно-конская перепись 1912 г. СПб, 1913.

⁴ Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа по данным военно-конских переписей 1900–1906 гг. СПб, 1907.

⁵ Временник ЦСК. 1901. № 50.

⁶ См. издания «Предварительные данные о площадях посева 19...-го года», «Вероятный сбор хлебов за 19...-й год», выходившие с 1901 и 1903 гг. в Петербурге.

⁷ Следует иметь в виду, что данные за 1904–1911 гг. относятся к лету, а за 1901–1903 гг. — к концу года.

Использование для исследовательских целей данных о количестве скота в эпоху капитализма, собиравшихся по многим каналам и существенно отличными методами, требует сравнительного анализа достоверности различных источников. При этом необходимо иметь в виду возможность использования этих данных, с одной стороны, для выявления динамики поголовья скота, а с другой — его абсолютного количества. Такой сравнительный анализ был проделан А.Л. Вайнштейном¹. Он справедливо отметил, что устойчивые и повсеместно однообразные методы учета скота, применявшиеся ЦСК, обеспечивают правильное отражение его данными динамики численности скота². То же самое, хотя и с меньшей определенностью можно сказать и о данных ветеринарного управления. Добавим также, что имеющиеся сведения позволяют выявлять и географические (во всяком случае применительно к таким территориальным единицам, как губерния и особенно регион) различия в обеспеченности скотом (в расчете на единицу земельных угодий, душу населения и т.д.).

Таким образом, комплекс данных о количестве скота в эпоху капитализма позволяет изучить различные аспекты динамики и географии животноводства как в целом, так и применительно к крестьянскому и частновладельческому хозяйству.

Иначе обстоит дело с отражением имеющимися источниками абсолютной численности скота. А.Л. Вайнштейн показал, что достаточно надежной основой здесь могут быть лишь данные земских обследований и переписей 1916—1917 гг. Даже военно-конские переписи недоучитывали количество молодняка. Данные же ЦСК о численности лошадей сравнительно с переписью 1916 г. занижены на 17—20%. Поэтому он полагал, что абсолютные показатели ЦСК по лошадям требуют поправки на 20%³.

Недоучет ЦСК продуктивного скота был еще большим. Так, данные переписи 1916 г. превышают сведения ЦСК по крупному рогатому скоту на 41,5%, по мелкому рогатому на 68,8, по свиньям — на 89,2%. По трем губерниям земские показатели выше сведений ЦСК по крупному рогатому скоту на 37,8%, по мелкому рогатому на 40,9 и по свиньям — на 70%⁴.

В целом Вайнштейн пришел к вполне обоснованному выводу, что сведения и ветеринарного управления и ЦСК непригодны для выявления абсолютной численности продуктивного скота. Для ее определения он предлагал либо вносить в сведения ЦСК поправку, выведенную на основе сопоставления их с данными земской статистики и переписи 1916 г., либо, взяв за основу показатели переписи 1916 г., ретроспективно исчислить количество скота, опираясь на показатели динамики его численности в предшествующие годы. Вайнштейн рассчитывал таким путем численность видов скота перед войной.

Следовательно, для выявления уровня развития животноводства достаточно достоверные данные по всем видам скота содержат лишь земская статистика и сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., а по лошадям также (с указанной оговоркой) военно-конские переписи. Сведения же ЦСК (и ветеринарного управления) требуют существенной корректировки. Для установления поправочных ко-

¹ Вайнштейн А.Л. Из истории дореволюционной статистики животноводства // Очерки по истории статистики СССР. М., 1960. Сб. 3. обстоятельный обзор источников по истории животноводства в России дан М.Н. Добротворским (Добротворский М.Н. Опыт истории и методологии статистики животноводства. СПб., 1909), а общая характеристика дореволюционной аграрной статистики содержится в работе Е.З. Волкова (Волков Е.З. Аграрно-экономическая статистика России. М.—Л., 1924).

² Вайнштейн В.Л. Из истории дореволюционной статистики животноводства. С. 100—140.

³ Там же. С. 98—103.

⁴ Там же. С. 106—112.

эффицентом необходимо продолжить изыскания, проведенные Вайнштейном для предвоенного времени, по более раннему периоду и не только по стране в целом, но и в региональном аспекте.

* * *

Урожайная статистика и данные о животноводстве характеризуют тенденцию развития и состояние производства в основных отраслях сельского хозяйства, но не раскрывают условий его функционирования и его внутреннего строя. Остановимся кратко на тех источниках, которые содержат массовые сведения об этих сторонах сельского хозяйства.

До конца XIX в. в России не предпринималось попыток какого-либо единого учета обеспеченности сельского хозяйства орудиями и машинами. Наличие их с той или иной полнотой учитывалось при проведении земских переписей крестьянского и частновладельческого хозяйства и других локальных обследований. Лишь в 1895—1896 г. Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия по инициативе Вольного экономического общества собрал через своих корреспондентов сведения о сельскохозяйственных орудиях и машинах. Данные об орудиях вспашки, боронования и ухода за посевами были опубликованы в изданиях отдела. Сведения же об орудиях уборки, молотыбы и очистки зерна были неполными и в публикацию не вошли¹.

Для устранения пробела в данных о технической оснащенности сельского хозяйства ЦСК в 1910 г. собрал традиционными для него методами (т.е. через волостные правления и местную полицию) сведения об обеспеченности крестьянского и частновладельческого хозяйства орудиями и машинами. Данные об орудиях вспашки, рыхления почвы, сеялках, жатках, молотилках, веялках, сенокосилках и конных граблях всех видов вошли в специальное издание². В нем в губернском и уездном масштабе указана абсолютная численность всех орудий у крестьян и частных владельцев, а также относительные показатели обеспеченности орудиями (число орудий на хозяйства и десятину пашни, число хозяйств на орудие) крестьян и всех земледельцев.

С точки зрения охвата территории страны учет был весьма полным (были лишь местами пропуски в Сибири и Средней Азии). Точность же учета была, конечно, относительной. Поэтому сведения 1910 г., будучи достаточно надежными для сравнительных характеристик (различия между регионами, крестьянскими и частновладельческими хозяйствами и др.), абсолютную обеспеченность орудиями и машинами, вероятнее всего, несколько занижают.

Другим источником, содержащим сведения об орудиях и машинах по всей стране, являются сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. При их проведении были учтены основные виды орудий в крестьянском и частновладельческом хозяйствах. Их абсолютная численность по губерниям и уездам указана в опубликованных сводках данных переписей.

Следовательно, в масштабах страны имеются в целом сопоставимые данные о сельскохозяйственных орудиях и машинах на четыре рубежа — 1895/96, 1910, 1916 и 1917 гг. Они пригодны для выявления относительных временных изменений и территориальных различий в состоянии технической оснащенности сельскохозяйственного, главным образом земледельческого производства. Что касает-

¹ Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1903. Вып. XI.

² Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. СПб., 1910.

Высокое сходство вариации данных в пространственных (географических) и временных (динамических) рядах урожайности разных источников свидетельствует об их достаточной надежности для выявления степени географического разнородности урожайности и характера и темпов ее динамики, что отражает региональные и временные условия и особенности развития земледелия. Но единодушные разных источников в этом отношении не дает ответа на важный вопрос о том, в какой мере они правильно зафиксировали размеры абсолютных подесятинных сборов, которые являются одной из важнейших характеристик общего уровня развития производительных сил в земледелии. Оценка сходства источников в этом плане требует выяснения зафиксированной в них степени различий в высоте урожайности. Д.Н. Иванцов провел соответствующий анализ данных о размерах подесятинных урожаев. Отклонения в урожайности по разным источникам до 10% были признаны им несущественными. В данном случае с таким порогом несущественности различий можно согласиться. Другой прием состоял в сравнении фактических отклонений средних величин урожайности с теми предельными ошибками этих средних, которые рассчитываются исходя из так называемого правила трех сигм (от греческой буквы Q , обоснованного в математической статистике¹. Д.Н. Иванцов брал предельную ошибку, равную $2,5 \sigma$.

Сопоставления подесятинных размеров урожайности ржи по разным источникам проводились на двух уровнях — сравнивались средние урожаи, выведенные из урожаев ряда лет (многолетние средние), и урожаи за отдельные годы. Итог оказался таким.

По сведениям за 1885—1908 гг. (т.е. выводились 24-летние средние) в целом по Европейской России данные Министерства земледелия отличались от показателей ЦСК и у помещиков, и у крестьян на 10%, допустимые же отклонения равнялись 20 и 22%. По отдельным губерниям отклонения превышали норму у крестьян в 3 и у помещиков в 4 губерниях из 50².

Сравнение урожайности ЦСК и земств по 18 губерниям по средним за 7—26 лет (средние выводились из данных за имеющееся число лет) показало, что земские данные выше сведений ЦСК у крестьян на 9% (предел 27%) и помещиков на 10% (предел 26%)³.

Соотношение многолетних (за 24 года) средних урожаев по губерниям на наделных и частновладельческих землях по сведениям ЦСК и Министерства земледелия показало, что только в одной губернии из 50 расхождение было выше предела⁴.

В итоге сопоставления многолетних средних урожаев по разным источникам был сделан вполне обоснованный вывод о том, что разночтения таких средних имеют случайный характер и в целом налицо принципиальная однородность данных источников в этом отношении. Следовательно, средние данные разных источников о размерах урожайности за ряд лет (многолетние средние) пригодны для изучения уровня развития земледелия в пространстве и времени.

Иная картина обнаружилась при сравнении по разным источникам ежегодных урожаев. Так, при сопоставлении ежегодных общих (крестьянских и помещичьих вместе) урожаев по сведениям ЦСК и Министерства земледелия оказалось, что в 43 губерниях отклонения были выше 10%, а в 16 губерниях — более 15%. Из 597

¹ Суть этого правила состоит в том, что средняя арифметическая всей исследуемой совокупности с вероятностью, равной полной достоверности, может отклоняться от выборочной средней не более чем на три стандартные ошибки (стандартная ошибка средней обозначается в статистике греческой буквой Q).

² Иванцов Д.Н. Указ. Соч. С. 22-23.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же. С. 57.

уровня организации сбора данных и комплексного характера материалов переписей важным достоинством их данных о посевных площадях (как и других сведений) является то, что при их сводке по крестьянскому и частновладельческому хозяйству был преодолен формальный подход при выделении этих хозяйств. К крестьянским отнесены не только хозяйства, ведущиеся на наделной земле, как это практиковалось при учете посевных площадей ЦСК, но и все остальные мелкие хозяйства (имеющие до 50 дес. земли).

Другую категорию составляли частновладельческие, т.е. помещичьи, хозяйства. Иначе говоря, составители переписей исходили из учета земли как объекта хозяйства, а не как объекта владения. Тем самым переписи содержат сведения, позволяющие выявить соотношение в сельскохозяйственном производстве двух типов хозяйств: крестьянских и помещичьих. Данные переписи о посевных площадях в губернском и уездном разрезе включены в их основные публикации¹.

Таким образом, из всей совокупности сведений урожайной статистики эпохи капитализма наиболее систематический во времени и пространстве и наиболее полный с точки зрения состава показателей (площади посевов, высота урожайности, размеры сбора хлебов, нормы высева) набор данных содержит статистика ЦСК. Этот комплекс может служить базой для изучения уровня развития производительных сил в основной отрасли сельского хозяйства земледелии.

В этой связи, естественно, возникает вопрос о достоверности данных ЦСК. Вопрос этот обсуждался уже современниками. Как всегда в подобных случаях высказывались разные мнения. Одни подвергали сомнению достоверность сведений об урожайности ЦСК. Основой для этого служило несовершенство методов их сбора, некомпетентность местной сельской администрации, отсутствие какой-либо системы контроля, недостаточная тщательность разработки материалов и т.д.

Другие, наоборот, подчеркивали положительное значение однообразия в методах урожайной статистики ЦСК сравнительно с приемами Министерства земледелия и земств, отмечали, что по закону больших чисел крайние отклонения даже в пределах одного года уравнивались. В итоге эти данные признавались достаточно надежными.

Все это привело к необходимости специального анализа достоверности урожайной статистики путем сопоставления данных ЦСК, Министерства земледелия и земств. Широкому сравнению по трем видам источников могли быть подвергнуты лишь данные о высоте урожайности (т.е. размеры подесятинных сборов отдельных культур), ибо другой базисный показатель — площади посевов — Министерством земледелия не учитывался вовсе, а в земской статистике фиксировался реже, чем урожайность. Работа по сопоставлению данных об урожайности, основанная на методах математической статистики, была выполнена Д.Н. Иванцовым и издана отделом статистики Русского географического общества².

Основная идея Д.Н. Иванцова, несомненно правильная с источниковедческой точки зрения, состояла в том, что несущественность различных данных об урожайности трех типов источников должна свидетельствовать об общей надежности урожайной статистики. Наличие же тенденций к сглаживанию различий между данными разных источников будет говорить об унификации и повышении уровня надежности этих данных, а увеличение этих различий, наоборот, — об ухудшении состояния урожайной статистики.

¹ Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года: (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Пг., 1916. Вып. 1. Европейская Россия; Пг., 1917. Вып. П. Кавказ; Пг., 1917. Вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. М., 1917; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям // Труды ЦСУ. М., 1923. Т. V. Вып. 2.

² Иванцов Д.Н. К критике русской урожайной статистики.

ся общего уровня оснащенности машинами, то имеющиеся данные могут дать о нем лишь приблизительное представление.

Систематического общегосударственного и вообще массового учета наемной рабочей силы, используемой в сельскохозяйственном производстве, в России эпохи капитализма не существовало. Между тем размах применения наемного труда — важнейший показатель степени развития капитализма.

Обширные, но неточные и разновременные сведения о наемном труде, прежде всего в крестьянском хозяйстве, содержит земская статистика. Попытка выявления размаха применения наемного труда в частновладельческом хозяйстве была принята в конце 80-х годов XIX в. Департаментом земледелия через своих корреспондентов¹. Обобщенными данными этого опроса пользовался В.И. Ленин при выяснении соотношения капиталистической и отработочной систем в помещицком хозяйстве².

Указанные данные о наемном труде весьма ценны для изучения буржуазной эволюции крестьянского и помещицкого хозяйства. Что же касается общих сведений о применении наемного труда в сельском хозяйстве, то они имеются лишь в трех источниках: переписи населения 1897 г. и сельскохозяйственных переписях 1916 и 1917 гг.

В переписи 1897 г. учитывались, с одной стороны, хозяйства (главы их), применяющие наемных рабочих и прислугу, а с другой — лица, занятые работой по найму. Если количество первых с указанием числа наемных рабочих было учтено достаточно точно, то численность работавших по найму была значительно занижена. Как правило, при определении занятия к числу наемных рабочих относились лишь лица, для которых продажа рабочей силы была единственным или основным родом деятельности. Применительно к сельскому хозяйству, где особенно был велик контингент временных наемных рабочих, это привело к весьма существенному занижению степени применения наемного труда.

Вместе с тем переписи дают достаточно надежные сведения о региональном распределении постоянных наемных рабочих в сельском хозяйстве. Кроме того, важным достоинством данных переписи 1897 г. о наемных рабочих является одновременность их сбора и охвата всей территории страны. Первичные материалы переписи 1897 г., как известно, были уничтожены, и данные о наемных рабочих наряду с другими ее сведениями содержатся в общих публикациях материалов переписи³, а также в специальных изданиях⁴.

В сельскохозяйственных переписях 1916 и 1917 гг. учитывались крестьяне и частновладельческие хозяйства, применявшие наемный труд, и количество наемных рабочих в них. Фиксировались лишь сроковые рабочие. Охват различных их категорий по переписи 1917 г. был более полным, так как при ее проведении отказались от ограничения, принятого в 1916 г. и состоявшего в том, что регистрировались рабочие, находившиеся у нанимателя к моменту переписи не менее 30 дней. Однако, как известно, перепись 1917 г. отличалась от переписи 1916 г. менее полным охватом территории страны.

¹ См.: Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1892. Вып. V.

² См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 3. Гл. III.

³ См.: Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, проведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Тт. 1—11, а также выпуски по отдельным губерниям и областям (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1898. Вып. 1-89).

⁴ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и месту жительства по переписи населения 1897 г. СПб., 1905; Каломцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 г. СПб., 1909.

Данные переписи 1916 и 1917 гг. о наемном труде вошли в указанные публикации их материалов.

В целом, несмотря на ограниченность общих по стране сведений о применении наемного труда в сельском хозяйстве, имеющиеся данные характеризуют положение на два принципиально важных рубежа: в период вступления России в эпоху империализма и к кануну социалистической революции в нашей стране.

Отсутствие специальной статистики труда вынуждало правительственные и другие учреждения обращаться при выявлении состояния сельскохозяйственного производства к расчетам численности наемных сельскохозяйственных рабочих. Наиболее известными из расчетов являются данные о количестве крестьян, занятых земледельческими заработками, приводимые в материалах Комиссии 16 ноября 1901 г. (Комиссия Центра, как ее обычно называют в литературе), занимавшейся изучением состояния сельскохозяйственного производства в среднечерноземных губерниях сравнительно с другими районами Европейской России. На основе различных источников по каждой губернии Европейской России была определена численность крестьян, занятых земледельческими заработками на рубеже XIX–XX вв.¹

Эти данные привлекают к себе внимание тем, что указывают общую численность наемных сельскохозяйственных рабочих в Европейской России, которая примерно вдвое превышает их количество по переписи 1897 г. (соответственно 3770,7 тыс. и 1896,7 тыс. человек). Общий итог проделанного расчета близок к числу 3,5 млн человек сельскохозяйственных наемных рабочих в конце XIX в., которые называет В.И. Ленин². Вероятно, полученный итог действительно близок к реальности. Однако из этого никак не следует, что проделанные расчеты верны и применительно к каждому их объекту, т.е. к каждой губернии. Это очевидно из того, что между двумя рядами губернских данных о количестве сельскохозяйственных наемных рабочих — по переписи 1897 г. и сведениям Комиссии Центра — отсутствует сопряженность (коэффициент корреляции равен 0,01). Указанная особенность данных Комиссии Центра отражает общую закономерность, присущую всем расчетным данным, — их достоверность быстро падает с увеличением числа учитываемых объектов. Это обусловлено тем, что принятые условия расчета все меньше отражают разнообразие этих объектов.

Таково положение с общими массовыми данными о применении наемного труда в сельском хозяйстве России эпохи капитализма.

Рост торгового земледелия, повышение товарности всех отраслей сельскохозяйственного производства — важнейшая сторона его развития в эпоху капитализма. Однако имеющийся корпус исторических источников не содержит прямых массовых сведений о товарности различных отраслей сельского хозяйства, ибо для этого необходим был учет товарности этих отраслей хотя бы в основных типах крестьянских и частновладельческих хозяйств. Такого учета в России не существовало.

Важные данные о товарности крестьянского хозяйства содержатся в бюджетных и некоторых других обследованиях этих хозяйств. В делопроизводственной документации и описаниях частновладельческих хозяйств также имеются сведения о товарности различных отраслей. Однако эти данные, давая представление о степени товарности различных типов крестьянских и частновладельческих хозяйств, не позволяют судить об общей в масштабах страны и ее отдаленных ре-

¹ Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднечерноземельских губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. Табл. 19.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 236.

гионов товарности ведущих отраслей сельского хозяйства и прежде всего главной из них — земледелия. Вместе с тем имеется источник, содержащий массовые систематические данные, отражающие развитие товарности сельского хозяйства, в первую очередь земледелия. Таким источником является транспортная статистика.

Из трех видов транспорта — железнодорожный, водный и гужевой — основным в эпоху капитализма, особенно в конце XIX — начале XX вв., был железнодорожный. Так, в 1909—1913 гг. из 1475,8 млн. пудов хлебных грузов, перевозимых в среднем в год по железным дорогам и водным путям, на железные дороги приходилось 1145,9 млн. пудов, т.е. более трех четвертей¹.

Наиболее существенным недостатком транспортной статистики как источника для изучения товарности земледелия (и сельского хозяйства вообще) являются отсутствие учета гужевых перевозок, которые в ряде районов (Север, Северо-Восток, Юго-Восток, Северный Кавказ и др.) играли значительную роль. Другой ее пробел состоит в том, что перевозки по железнодорожным и водным путям не отражают внутридеревенского товарооборота сельскохозяйственной продукции. Впрочем, транспортная статистика и не могла его учесть, ибо в ее задачу входила регистрация отправки и прибытия всех грузов со всех железнодорожных станций и водных пристаней. С этой точки зрения полнота и точность перевозок, особенно по железным дорогам, были весьма высокими.

Учет перевозок грузов и пассажиров по железным дорогам и водным путям находился в ведении Министерства путей сообщения. Основой учета служила регистрация объема и состава отправлявшихся и прибывавших грузов по станциям всех железных дорог и водным пристаням. Соответствующие данные через управления железных дорог и округа водных путей сообщения поступали в министерство. В фондах Министерства путей сообщения (ЦГИА СССР) хранится основной комплекс соответствующих данных. В министерстве сводкой, а также подготовкой к публикации этих данных занимались соответствующие департаменты и Отдел статистики и картографии.

В конце XIX — начале XX вв. сведения о перевозках регулярно публиковались в разных изданиях. Так, Департамент железных дорог с 1890 г. выпускал «Общую статистику перевозок по русским железным дорогам», с 1893 по 1916 г. выходившую под названием «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам». За каждый год оно включало несколько десятков выпусков, в том числе и сводный том. Сведения о перевозках по водным путям содержатся в издании Отдела статистики и картографии — «Статистика Министерства путей сообщения. Внутренние водные и шоссейные пути».

В названных изданиях данные о перевозках группировались по станциям железных дорог и пристаням водных бассейнов. Такой порядок, естественный с точки зрения Министерства путей сообщения, создает определенные сложности при использовании этих сведений. Необходим пересчет данных по территориальным единицам (экономико-географические регионы, губернии, уезды), по которым обычно сводятся и анализируются всякого рода статистические материалы. Однако при этом надо учитывать, что в ряде случаев не будут совпадать границы транспортных и отобранных для сводки районов, ибо те или иные административные единицы могли тяготеть к станциям или пристаням в других административных районах. Так, например, 20% вывоза хлебов из Пензенской губернии перед первой мировой войной осуществлялось через другие губернии². В подобных случаях, естественно, неизбежны искажения товарности, исчисленных по данным перевозок. Подобные смещения будут тем меньше, чем крупнее выделен-

¹ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг. Пг., 1917. Вып. II. С. 206 и след.

² Там же. Пг., 1917. Вып. I. С. 4.

ные регионы. Можно полагать, что в пределах крупных экономико-географических районов (включающих несколько губерний) они вообще окажутся незначительными. Даже на уровне губерний отклонения, вероятно, будут не столь существенными, чтобы исказить картину сравнительных различий в уровне товарности. Во всяком случае указанный момент следует иметь в виду при использовании данных о перевозках для суждения о развитии товарности сельскохозяйственного производства.

Сведения транспортной статистики о перевозке хлебов использовались современниками. Благодаря этому за ряд лет мы имеем погубернские сводки данных. Так, по решению особого совещания представителей железных дорог такая сводка была составлена по данным 1893—1895 гг.¹ Имеются аналогичные сведения за 1909—1914 гг.²

В целом сведения транспортной статистики о перевозках сельскохозяйственной продукции содержат обширные, систематические и точные данные, позволяющие выявить временные и территориальные тенденции в развитии товарности земледелия и некоторых других отраслей сельского хозяйства.

В заключении обзора массовых источников по истории сельского хозяйства следует обратить внимание на массовые общие данные, позволяющие изучать стоимость производства хлебов, т.е. составить представление о высоте рентабельности отраслей сельского хозяйства.

Применительно к отдельным категориям и совокупностям крестьянских и частновладельческих хозяйств данные об издержках производства и прибыльности различных отраслей сельского хозяйства, как и об его товарности и других сторонах, содержатся в уже упоминавшихся бюджетных обследованиях, делопроизводственной документации имений и других аналогичных материалах. Что же касается общих массовых данных о доходности сельскохозяйственного производства, то здесь обращают на себя внимание два комплекса сведений. Один из них относится к концу 80-х годов XIX в., другой — к 1912—1914 гг. В обоих случаях данные были собраны Министерством земледелия через охарактеризованную выше сеть его добровольных корреспондентов.

В 1888 г. Департамент земледелия разослал своим корреспондентам анкету, которая имела своей целью выявить стоимость производства основных земледельческих культур. Было получено 1000 ответов, охватывающих Европейскую Россию. Как признавали сами сотрудники департамента, число ответов было небольшим, и характеризовали они главным образом частновладельческое хозяйство.

Подготовленная департаментом сводка полученных данных составила специальную публикацию³. В ней по губерниям и по основным культурам указаны (в расчете на десятину) суммарные затраты на производство (стоимость отработки земли, посева, ухода, уборки и молотбы, расходы на рабочую силу, инвентарь и т.д.), размеры ренты (аренда земли), стоимость урожая (по данным о высоте урожайности и ценам) и прибыль или убыток с учетом и без учета ренты. Сами составители отмечают пробелы в исходных данных и призывают к осмотрительным

¹ Статистические данные о движении хлебных грузов по русским непрерывно между собою связанным железнодорожным дорогам, составленные по губерниям. СПб., 18%. Вып. 1-3.

² Материалы к пересмотру торгового договора России с Германией и другими иностранными государствами: Перевозки по русским железным дорогам. Пг., 1914. Ч. 1; Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг. Пг., 1916. По данным этих изданий была составлена погубернская сводка перевозок хлебов в 1909—1913 гг. (Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913 гг. Вып. 1—2).

Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1890. Вып. III.

выводам. Вместе с тем собранные сведения могут дать определенное представление о сравнительной региональной прибыльности производства отдельных культур.

В результате анкетного обследования 1912—1914 гг. было получено 5169 ответов, в том числе 3727 от крестьян, т.е. значительно больше, чем в конце XIX в. Это позволило дать более детальную разработку сведений. Их соответствующая публикация¹ включает по губерниям и основным культурам данные об издержках производства, ренте и стоимости урожая не только в среднем, но и по группам хозяйств (количество пашни до 20 дес, 20—50, 50—200, 200—500, свыше 500 дес), а также с указанием не просто среднего значения признака, но и его минимума и максимума. Все это позволяет получить достаточно близкие к действительности сравнительные показатели о доходности производства тех или иных культур в разных (по размеру) типах хозяйств и различных районах.

Таков круг основных общих массовых данных, которые характеризуют технические, экономические и социальные аспекты сельскохозяйственного производства России в эпоху капитализма.

Эти данные не столь обширны и систематичны, как сведения о размерах и итогах этого производства, и поэтому не раскрывают последовательно динамики характеризуемых явлений. Но вместе с тем они позволяют выявить региональные различия и временные сдвиги в важнейших компонентах и аспектах сельскохозяйственного производства, т.е. могут дать определенную основу для целостного изучения этого производства.

Основные итоги и задачи изучения массовых данных о сельскохозяйственном производстве

Итоги и задачи изучения массовых источников и содержащихся в них данных о сельском хозяйстве можно рассматривать в двух аспектах: источниковедческом и исследовательско-содержательном. Основные итоги источниковедческого анализа статистики сельскохозяйственного производства эпохи капитализма были изложены выше. Однако при всей существенности полученных результатов здесь еще предстоит многое сделать. Так, требует дальнейшей проверки достоверность сведений ЦСК о посевных площадях и поголовье скота. Пока еще совсем не изучены в источниковедческом отношении имеющиеся данные об обеспеченности сельского хозяйства орудиями и машинами и обширный комплекс сведений транспортной статистики о перевозках сельскохозяйственной продукции. По всем этим и некоторым другим сюжетам необходимы специальные изыскания.

Другой в источниковедческом плане задачей является совершенствование методов установления достоверности и точности массовых данных сельскохозяйственной статистики и в тех случаях, когда они содержатся в некоторых источниках, и тогда, когда данные зафиксированы одним источником. Поскольку такие сведения, как правило, являются количественными, они допускают широкое применение математико-статистических методов при выявлении их достоверности и точности. Как было показано, уже накоплен определенный опыт применения этих методов при изучении достоверности урожайной статистики. Так, весьма эффективными в источниковедческом плане оказались определение временной и пространственной сопряженности показателей разных источников путем корреляционного анализа и выявления существенности различий средних данных на основе учета предельных ошибок этих средних. Таким путем удастся установить наличие согласованности, сводимости данных разных источников. При условии не-

¹ Стоимость производства главнейших хлебов. СПб., 1915. Вып. 1 (Сводные губернские данные); СПб., 1916. Вып. II (Выборочное описание отдельных хозяйств).

может быть выявлена достоверность этих данных. Поясним суть такого подхода на двух примерах.

Выше говорилось, что сведения переписи 1897 г. о сельскохозяйственных наемных рабочих, несмотря на свою неполноту, отражают сравнительную степень применения наемного труда в различных губерниях, а данные Комиссии 16 ноября 1901 г., верно указывая общее число занятых в сельском хозяйстве Европейской России наемных рабочих, пропорциональность распространения их по губерниям не раскрывают. Правильность этого заключения можно проверить, выявив связь обеспеченности наемными рабочими с другими показателями социально-экономического развития. В следующей ниже таблице (табл. 3) по данным двух источников выведены коэффициенты корреляции между долей наемных сельскохозяйственных рабочих (наемные рабочие в процентах к общему числу работников) и другими показателями по 50 губерниям Европейской России.

Таблица 3

Корреляционная взаимосвязь обеспеченности сельскохозяйственными наемными рабочими с другими факторами социально-экономического развития

Фактор	Перепись 1897 г.	Данные 1901 г.
Хозяйства с наймом (в % к общему числу)	0,75	-0,01
Грамотные (в %)	0,81	-0,09
Посевы (на душу сельского населения)	-0,01	0,57
Продуктивный скот (на душу населения)	0,33	0,20
Урожайность зерновых (пудов с дес.)	0,28	-0,31

Данные переписи 1897 г. о наемных рабочих тесно взаимосвязаны с долей хозяйств, применявших наемный труд, т.е. с признаком, отличавшимся высокой достоверностью. Обнаруживается, правда, слабая взаимосвязь степени применения наемного труда с обеспеченностью продуктивным скотом и урожайностью (коэффициент соответственно равен 0,33 и 0,28). Взаимосвязь с размерами посевов отсутствует (-0,01), т.е. относительные размеры земледельческого производства не определяли степени применения наемного труда. И наконец, примечательна очень тесная взаимосвязь (0,81) применения наемного труда в сельском хозяйстве с общим уровнем грамотности, который для эпохи капитализма является одним из обобщенных выражений общего уровня буржуазно-капиталистического развития.

Все это, несомненно, свидетельствует о достоверности данных переписи 1897 г. о наемных сельскохозяйственных рабочих как показателе сравнительного уровня применения наемного труда в сельском хозяйстве отдельных губерний.

Совсем иная картина рисуется данными Комиссии 16 ноября 1901 г. Здесь показатели применения наемного труда имеют довольно высокую взаимосвязь лишь с размерами посевов (0,57). Это обусловлено тем, что именно размеры посевов были прежде всего взяты за основу для исчисления потребности в наемных рабочих. Наличие некоторой взаимосвязи с обеспеченностью продуктивным скотом (0,20) также связано с учетом этого фактора при расчетах. С урожайностью вопреки сути явления взаимосвязь является обратной (-0,31). С долей хозяйств, применявших наемный труд, и степенью грамотности, т.е. ведущими факторами, данные 1901 г. о найме вовсе не взаимосвязаны.

Следовательно, совершенно очевидно, что сведения 1901 г. не отражают сравнительной степени применения наемного труда в сельском хозяйстве отдельных губерний.

Как видим, включение сведений двух источников в систему других показателей позволяет убедительно решить вопрос об их достоверности.

зависимости последних наличие такой сводимости, несомненно, является убедительным доказательством общей достоверности соответствующих показателей. Этот метод может найти широкое применение при выявлении достоверности количественных данных многих источников.

Вместе с тем необходимо идти дальше, ибо проведенные исследования не решили ряда важных вопросов, возникающих при установлении достоверности и точности данных сельскохозяйственной статистики эпохи капитализма. Как было показано, корреляционный анализ и оценка существенности различий средних показателей, зафиксированных в разных источниках, при благоприятном итоге сопоставлений позволяет установить общую достоверность этих показателей. Однако, во-первых, остается открытым вопрос о том, данные какого источника являются более точными. Тот, например, факт, что сведения об урожайности и ЦСК, и Министерства земледелия являются сопряженными, еще ничего не говорит о том, показатели какого из них более точны, а следовательно, и более надежны. И если выше рекомендовалось пользоваться сведениями ЦСК, то основой для этого служит не большая их достоверность сравнительно с данными Министерства земледелия, а то, что они более обширны, систематичны и доступны.

Во-вторых, в случае отсутствия сопряженности одних и тех же показателей двух (или нескольких) источников нельзя установить, являются ли недостоверными данные обоих источников или одного из них. Заключение о том, что в этом случае являются недостоверными оба источника, к которому приходили Д.Н. Иванцов и другие исследователи, необоснованно.

Наконец, в-третьих, многие показатели сельскохозяйственной статистики (да и не только сельскохозяйственной) зафиксированы лишь одним источником, и поэтому отсутствует возможность проверки их достоверности путем сопоставления с аналогичными показателями других источников.

Таким образом, при сводимости, сопряженности одних и тех же данных различных источников, т.е. при их общей достоверности возникает потребность оценки степени этой достоверности. Применительно к сельскохозяйственной статистике в такой оценке нуждаются данные ЦСК, Министерства земледелия и земств об урожайности. При несводимости показателей разных источников необходимо выявление того, являются ли недостоверными сведения всех имеющихся источников или тех или иных из них. В этом плане требуется дальнейшее изучение данных ЦСК и земств о размерах посевов.

В более углубленной проверке достоверности данных, содержащихся в одном источнике, нуждаются многие показатели сельскохозяйственной статистики (о численности орудий и машин, наемном труде, вывозе сельскохозяйственной продукции и др.).

Тот путь, которым наряду с традиционными методами (выявление методики и техники сбора сведений, факторов, влияющих на их точность, системы проверки полноты и точности данных и т.д.) можно пойти в решении указанных задач, очевиден. Это выяснение сопряженности, степени временной и пространственной взаимосвязи соответствующих данных одного или разных источников с показателями, характеризующими другие стороны сельскохозяйственного производства, аграрных отношений и вообще социально-экономического развития в соответствующий период или на определенной территории. Всякий процесс сельскохозяйственного производства, аграрного, социально-экономического и вообще исторического развития имеет свою пространственную и временную структуру, т.е. его компоненты и черты находятся в определенных взаимосвязи и взаимодействии. В тех случаях, когда характер этих взаимосвязей может быть выявлен на основе качественного, содержательного анализа, показатели, измеряющие эту взаимосвязь, могут дать ответ на вопрос о том, в какой мере имеющиеся данные, достоверность которых выясняется, вписываются в данную структуру. Тем самым

Введение рядов изучаемых данных в систему связанных с ними других показателей является в сущности единственным путем для строгой оценки достоверности этих данных в тех случаях, когда нет возможности проверить ее на основе сопоставления с аналогичными сведениями других источников или когда такое сопоставление может быть лишь частичным и поэтому ненадежным. Рассмотрим в этой связи еще один пример, а именно попытаемся определить, насколько сведения ЦСК за 1900 г. о продуктивном скоте отражают сравнительную обеспеченность им губерний Европейской России. Как было показано, сведения ЦСК существенно недоучитывают количество скота. Однако в силу повсеместной однотипности и устойчивости методов их сбора признается, что они достаточно достоверно характеризуют динамику численности скота и сравнительную обеспеченность им различных местностей.

Выявление по 50 губерниям Европейской России корреляционной взаимосвязи обеспеченности продуктивным скотом (количество скота на душу сельского населения в переводе на крупный) с другими показателями дало такую картину. Взаимосвязь с размером крестьянского надела равняется +0,49, с посевом на душу +0,35, с долей безлошадных и однолошадных дворов -0,46, с долей дворов с четырьмя и более лошадьми +0,47. Учитывая нестрогий характер вычислений (данные о рассматриваемых признаках относятся не к 1900, а к другим годам), следует признать указанные взаимосвязи весьма определенными по своему характеру и достаточно тесными. Это свидетельствует о том, что при всей своей неточности сведения ЦСК верно отражают различия между губерниями в обеспеченности продуктивным скотом.

Таким образом, применение системного подхода и математико-статистических методов позволяет решить важные и трудные задачи, возникающие при выявлении достоверности и точности массовых количественных данных. Поэтому необходимы разработка такого подхода и внедрение его в источниковедческую практику. Разумеется, системный подход и математико-статистические методы дадут тем больший эффект, чем более высоким будет общий уровень источниковедческого анализа во всех его проявлениях и со всей совокупностью его средств.

* * *

Использование данных сельскохозяйственной статистики эпохи капитализма для решения тех или иных исследовательских задач имеет давнюю традицию и прошло ряд этапов. Отметим основные из них, с тем, чтобы яснее представить те задачи, которые стоят перед современными исследователями в области изучения истории сельского хозяйства в России эпохи капитализма.

Первый этап углубленного изучения явлений сельскохозяйственной экономики, точнее, земледельческого производства относится к концу прошлого века. Он был обусловлен конкретной обстановкой, важнейшим фактором которой выступали частые неурожаи и особенно сильнейший неурожай и голод начала 90-х годов XIX в. Эта обстановка побуждала к выявлению определенных закономерностей и факторов, определявших развитие земледелия, что было необходимо для понимания дальнейшего хода этого процесса.

В центре исследовательских поисков находились вопросы об урожайности, ее движении и воздействии на экономику страны. В плане конкретных итогов наиболее существенными были изыскания Н.Ф. Фортунатова о динамике урожайности, а также его попытка выяснения зависимости урожайности от природных, демографических и экономических факторов¹. Как бы обобщением проделанных

¹ Фортунатов Н.Ф. Урожайи ржи в Европейской России. СПб., 1893; Он же. Урожайи на крестьянских землях Казанской губернии. Казань, 1889.

исследований явился коллективный сборник, в котором рассматривалось воздействие на различные стороны экономического развития (на движение населения, землевладение и землепользование, размеры посевов, цены, крестьянские бюджеты и т.д.)¹. Таким образом, уже в конце XIX в. были поставлены важные исследовательские проблемы и приняты попытки их решения.

Основным недостатком проводившихся исследований было господство производственно-экономического подхода и слабое внимание к главным, социальным чертам и факторам развития сельскохозяйственного производства. Этот пробел либерально-буржуазной и мелкобуржуазной историографии был преодолен В.И. Лениным, заложившим основы марксистского анализа развития сельского хозяйства в России эпохи капитализма. Классическим образцом такого анализа является его работа «Развитие капитализма в России». В.И. Ленин, как хорошо известно, охарактеризовал на основе широкого использования различных массовых данных общую динамику уровня земледельческого производства, его географию, специализацию и рост торгового земледелия, применение машин и наемного труда, что позволило раскрыть основные закономерности и черты развития сельского хозяйства в условиях капитализма.

В эпоху империализма в центре внимания исследователей был аграрно-крестьянский вопрос, являвшийся ведущим социально-экономическим вопросом буржуазно-демократической революции. Изучение сельскохозяйственного производства играло подчиненную роль.

Новый этап специального интереса к развитию сельскохозяйственного, земледельческого производства в России конца XIX — начала XX в. относится к 20-м годам. Непосредственным толчком к этому были неурожаи начала 20-х годов, явившиеся итогом разорения экономики страны в результате первой мировой войны и военной интервенции. Исследования велись статистиками и экономистами на основе широкого применения математико-статистических методов².

Характер побудительного мотива определил основное направление исследований. Им оказалась динамика урожайности. При этом усилия были сконцентрированы на выявлении циклов урожаев и того, в какой мере они являются правильными. В случае обнаружения закономерности в движении и колебании урожайности открывалась возможность ее прогнозирования.

Было установлено, что колебания урожайности действительно имеют свои циклы. Однако они были неправильными (охватывали от 6 до 11 лет) и поэтому получили название квазипериодических. Таким образом, достигнуть главной цели — прогнозирования изменений в урожайности — не удалось. Но в ходе исследований были раскрыты важные черты в развитии земледелия в России эпохи капитализма. Так, М.В. Обров определил уровни урожайности по губерниям и пытался выяснить путем корреляции межгубернскую взаимосвязь в ее изменениях. А.Л. Вайнштейн определил скорость роста урожайности в России в конце XIX — начале XX в. Рассматривался вопрос об урожаеобразующих факторах и выяснялось влияние неурожаев на народное хозяйство страны. Последнему сю-

¹ Влияние неурожаев на народное хозяйство России. СПб., 1897.

² Вайнштейн А.Л. Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития; Тезисы доклада В.Г. Михайловского «Урожай ржи в России 1801 — 1914 гг.» // Бюллетень ЦСУ. 1921. № 50; Семенов М.Н. К вопросу о закономерности колебания урожаев // Вестник статистики. 1922. Кн. IX; Обухов М.В. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883—1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство России. М., 1927. Ч. 1; Череванин Н. Эволюция русского земледелия по данным об урожаях // Вестник статистики. 1920. № 8—12.; Четвериков Н.С. Связь хлебных цен с неурожаями // Четвериков Н.С. Статистические исследования. М., 1963 и другие.

жету был посвящен специальный сборник, являющийся продолжением исследований, начатых в 90-х годах XIX в.¹

Как бы завершением серии исследований о развитии земледелия в России конца XIX — начала XX в. была работа П.И. Лященко, в которой развитие зернового производства в России характеризовалось в широком сравнительном плане².

Следующий, современный этап в изучении истории сельского хозяйства России эпохи капитализма начинается с конца 50-х годов. Его отличительной чертой является то, что анализ развития сельского хозяйства прежде всего направлен на раскрытие его буржуазной эволюции. Эта несомненно положительная черта связана с тем, что основные исследовательские усилия от экономистов и статистиков, как это было на предыдущих этапах, перешли к историкам. Активизация исследований в области истории сельского хозяйства во многом способствовали симпозиумы по аграрной истории, регулярно проходящие с 1958 г., и публикация их трудов в «Ежегодниках по аграрной истории».

К другой особенности рассматриваемого этапа следует отнести расширение размаха исследований и широкое распространение региональных изысканий, позволившие ввести в научный оборот многие массовые данные о различных сторонах сельскохозяйственного производства. Результаты проведенных исследований нашли отражение как в монографических работах, так и в многочисленных статьях «Ежегодника», сборниках «Материалов по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР» (вып. 1—9) и других изданиях.

Из обобщающих исследований, специально посвященных истории сельского хозяйства, обращают на себя внимание работы Е.С. Карнауховой, В.К. Ялунского и А.С. Нифонтова³. Особенно следует отметить фундаментальное изыскание Нифонтова. Оно основано на массовых данных официальной урожайной статистики (губернские отчеты и сведения ЦСК), которая подвергнута тщательному источниковедческому анализу, и характеризует по всем основным аспектам (посевные площади, урожайность, сборы хлебов и их товарные излишки и т.д.) развитие земледелия в течение полустолетия.

Наряду с несомненными успехами изучения развития сельскохозяйственного производства в России эпохи капитализма (в современной советской историографии) имеет свои пробелы и недостатки и еще далеко не достигло необходимого уровня. Так, региональные исследования ведутся разобщенно, что затрудняет, а порой вовсе делает невозможным их обобщение. В итоге снижается эффективность этих исследований.

В плане методов обработки и анализа конкретно-исторических данных оказались утраченными те достижения (прежде всего приемы математико-статистического анализа массовых данных), которые имели место на предшествующих этапах. Этим обусловлены далеко не полное использование информативных возможностей источников и большие потери ценной информации.

В содержательном отношении изучения развития сельскохозяйственного производства еще имеет много пробелов. Нуждаются, особенно применительно к началу XIX в., в более углубленном и обобщенном освещении районная специализация сельскохозяйственного производства и рост торгового земледелия. При этом необходимо выделить районы сходных уровней, однотипных тенденций и

¹ Влияние неурожая на народное хозяйство России. М.—Л., 1927. Ч. 1—2

² Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927.

³ Карнаухова Е.С. Размещение сельского хозяйства России в период капитализма. М., 1951; Ялунский В.К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX в.

сопряженных изменений развития основных отраслей сельского хозяйства. Важный и фактически неизученный аспект — основные факторы, определяющие темпы и уровень развития сельскохозяйственного производства. Историкам предстоит выявить ведущие факторы, влиявшие как на итоги этого производства (урожайность, сборы хлебов, обеспеченность скотом, товарность, доходность и т.д.), так и на условия и характер его развития (обеспеченность земель, орудиями и машинами, наемной рабочей силой и др.).

В условиях, когда буржуазная аграрная эволюция шла по двум путям — буржуазно-крестьянскому, «американскому», и буржуазно-помещичьему, «прусскому», — большое значение имело соотношение в различных районах и отраслях сельскохозяйственного производства крестьянского и помещичьего хозяйства. Этот вопрос также еще не получил всестороннего освещения.

Таковы основные аспекты развития сельского хозяйства в России эпохи капитализма, которые требуют дальнейшего специального изучения¹. Вместе с тем стоит задача системного, целостного анализа этого развития, включающего все его ведущие производственные, экономические и социальные компоненты и выражения. Только такой подход позволит в полной мере поднять изучение сельского хозяйства до такого уровня, когда будут решаться коренные вопросы аграрного развития страны в эпоху капитализма (путь и уровень буржуазной аграрной эволюции, соответствие производительных сил и производственных отношений, объективные основы социально-политических противоречий в сфере аграрных отношений и т.д.).

Наконец, все более явственно обнаруживается необходимость изучения сельского хозяйства, во-первых, с учетом основных компонентов его инфраструктуры (почвенно-климатические условия, пути сообщения, плотность, состав и движение населения и т.д.) и, во-вторых, как составной части единой системы общественного производства, развивающегося в определенных условиях.

Охарактеризованный выше корпус источников позволяет вести исследования во всех указанных аспектах. Для эффективного использования имеющихся массовых данных сельскохозяйственной статистики необходимо дальнейшее совершенствование методов их обработки и анализа. Многие из указанных выше задач могут быть успешно решены на основе применения математико-статистических методов и ЭВМ. Даже простейшие из этих методов (аналитическое выравнивание динамических рядов, корреляционный и регрессионный анализ, оценки существенности различий средних показателей и др.) позволяют значительно углубить анализ исследуемых явлений и процессов. Поэтому перед историками стоит задача внедрения этих методов не только в источниковедческую, но и в содержательно-исследовательскую практику.

Таковы некоторые итоги и задачи изучения данных сельскохозяйственной статистики эпохи капитализма.

¹ По некоторым из этих направлений уже ведется исследование. Так, И.О. Воскресенская изучает по данным ЦСК уровни и темпы движения урожайности, сопряженность ее общих изменений и случайных колебаний, а также факторы, определявшие различия в выоте урожайности в губерниях Европейской России в конце XIX — начале XX в.